

Азарова И. Б.

**АВТОПЕРЕВОД СТИХОТВОРЕНИЯ «ПЕРАПІСЧЫК»  
М. БОГДАНОВИЧА: СИНТЕЗ ФОЛЬКЛОРНОГО, ЛИТЕРАТУРНОГО,  
БИЛИНГВАЛЬНОГО**

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины  
(Поступила в редакцию 16.09.2019)

В поэтическом творчестве М. Богдановича незаслуженно скромное место занимает сборник «Зеленя» (1909 – 1913). Это 22 стихотворения, переведённых им с белорусского. Авторский перевод был адресован Анне Ивановне Гапанович (Нюте), двоюродной сестре, в которую М. Богданович был тайно влюблён и которая не знала белорусского языка. Есть еще одна причина обращения поэта к автопереводу – выход на широкую русскоязычную читательскую аудиторию. Условия для этого были самые благоприятные. М. Богданович с детства жил в России, поэтому русский язык стал для него родным. А русская литература была для поэта не только прекрасной школой, но и предметом вдумчивого критического осмысления, кладом мыслей, чувств, образов. Под её воздействием расширялось и усложнялось миропонимание автора, обогащалась его художественная палитра.

Белорусское литературоведение предлагает разделить автопереводы М. Богдановича на четыре группы: 1) автопереводы, в общем точно воссоздающие оригинал (7 текстов); 2) автопереводы, имеющие те или иные отступления от оригиналов (11); 3) автопереводы, оригиналы которых не сохранились вовсе или сохранились частично (6); 4) автопереводы-подражания, в которых варьируются мотивы и отдельные образы оригиналов (3) [1].

Стихотворения «Перапісчык» и «Переписчик» написаны в 1912 г., оригинал входит в цикл «Старая Беларусь». «Переписчик» справедливо было бы отнести ко второй группе автопереводов.

Следуя логике, считаем целесообразным привести варианты двух текстов стихотворения М. Богдановича: первоисточника и автоперевода.

<b>ПЕРАПІСЧЫК</b>	<b>ПЕРЕПИСЧИК</b>
<i>На чыстым аркушы, прад вузенькім акном, Прыгожжа літары выводзіць ён пяром, Ўстаўляючы паміж іх чорнымі радамі Чырвоную страку; усякімі цвэтамі, Рознакалёрнымі галоўкамі звяроў</i>	<i>На кожаном листе пред узеньким окном Строй ровных, чётких букв выводит он пером И красную строку меж чёрными рядами Вставляет изредка; заморскими зверями, Людьми, птицами, венками из цветов</i>

<p><i>І птах нявіданых, спляценнем завіткоў  Ён пакрашае скрозь – даволі ёсць  знароўкі –  Свае шматфарбныя застаўкі і канцоўкі,  І загалюўкі ўсе, – няма куды спяшыць!  Парой ён спыніцца, каб лепей завастрыць  Пяро гусінае, і гляне: светла сонца  Стаўпамі падае праз вузкае аконца,  І круціцца у іх прыгожы, лёгкі пыл;  Як сіняваты дым нявідзімых кадзіл,  Рой хмарачак плыве; шырокімі кругамі  У небе ластаўкі шыбаюць над крыжамі,  Як жар гарашчымі, а тут, каля акна,  Малінаўка пяе і стукае жаўна.  І зноў ён схіліцца, застаўку зноў выводзіць  Няяркім серабром; нячутна дзень  праходзіць;  Ўжо хутка будзе ноч, і першая гвезда  Благаславіць канец прыгожага труда.</i></p>	<p><i>И многокрасочным сплетеньем завитков  Он украшает сплошь – довольно есть  сноровки –  Свои пригожие заставки и концовки  И заголовки все, – ведь некуда спешить!  Порой привстанет он, чтоб лучше  заострить  Перо гусиное, и глянет:  Кротко солнце  Столбом прозрачным шлёт свой свет  через оконце,  И золотая пыль струится меж лучей;  Вдали над белыми громадами церквей  Блещут купола; проворно над  крестами,  Как жар горящими, проносятся кругами  Стрижи весёлые; а тут, вблизи окна,  Малиновка поёт и стучает желна.  И вновь он склонится, заставку вновь  выводит  Неярким серебром; неслышно день  проходит,  Настанет скоро ночь, и первая звезда  Благословит конец пригожего труда.</i></p>
--	---

Исходя из названия русскоязычного стихотворения, можно с уверенностью утверждать, что смысловой доминантой является живописно созданный образ древнего переписчика книг, может быть, монаха, или затворника, или просто человека, занимающегося переписыванием старинных текстов, но явно увлечённого и выполняющего свой нелёгкий труд с тщательностью и истинным удовольствием. На это указывает скрупулезный отбор автором из общеизвестных красочных средств художественной выразительности фольклорного и литературного происхождения, явно свидетельствующих о важности момента и значении эстетики внешнего восприятия текста: «*Порой привстанет он... / И вновь он склонится, заставку вновь выводит / Неярким серебром*» [2, с. 360 – 361].

Здесь воедино слиты философские, эстетические и этические смыслы, одинаково характерные и для фольклора, и для русской и белорусской изящной словесности.

Если говорить о звукописи и цветописи, наполняющих все формальные компоненты стихотворений, то налицо аналогия фольклорного и литературного в передаче внутреннего душевного состояния лирического героя. Это такие традиционные средства, как акцент на красную строку, чёткое написание букв, «многокрасочное сплетенье» [2, с. 360], украшение «рознакалёрнымі» [2, с. 88], употребление постоянных эпитетов «красный» [2, с. 360], «чёрный» [2, с. 360], «золотая пыль» [2, с. 360], «прозрачный столб» [2, с. 360], «неяркое серебро» [2, с. 361], «белый...» [2, с. 360], «как

жар горящими» [2, с. 361], то есть колористика, несущая в себе традиционную фольклорную, литературную и общепринятую символику.

Обращает на себя внимание употребление автором уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-*, звука «р», часто звучащего и передающего состояние тревоги или переживания; звука «ы», рождающего чувство монотонности и некоторой заунывности; звуков «и» и «е», обладающих более позитивным звучанием, звуков «а» и «о», ассоциирующихся с различными степенями восхищения.

Весьма интересно наблюдение над поэтическим синтаксисом. Его многообразие (тире, двоеточие, многоточие, паузы, восклицательный знак) обладает дополнительными смысловыми оттенками. С одной стороны, они подчёркивают временную протяжённость процесса переписывания текстов и быстротечность момента, с другой – предметную осязаемость гусиного пера в руках, шероховатости кожаного листа, начертания витиеватых букв и неуловимые движения психики, а также страстную духовную потребность. Но об этом М. Богданович поведает в продолжении заданной темы, воплощённой в стихотворениях «Книга» и «Кніга». Он вводит поэтический перевод проникновенной строки из 41 псалма: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!» [3] – «*Как лань к источнику стремится, / Так рвётся, господи, к тебе душа моя*» [2, с. 362].

Наше художественное воображение рисует эпический мир поэтического текста, который в данном случае строится по схожим тенденциям, свойственным и фольклору, и авторскому произведению. Этот мир прекрасен и многообразен, он обладает узнаваемыми цветовыми характеристиками: прозрачный столб солнца, золотая пыль, чёрные ряды букв, красная строка, многокрасочное сплетенье лепестков, белые громады церквей, блестящие купола и т. д. Ему свойственны временные и пространственные качества: узенькое окно, открывающее необъятный внешний мир с церквями, небом, облаками, птицами, первой звездой; неспешный труд. И этот мир можно ощутить: кожаный лист, гусиное перо, которое надо заострить.

К категории поэтического синтаксиса стоит отнести построение предложений в стихотворениях по принципу инверсии, что позволяет проводить аналогию с фольклорными традициями.

Следует обратить внимание ещё на одну особенность – наполненность постоянными эпитетами, общеизвестными символическими значениями, характерной образностью и т. д., свидетельствующими о связи с устным народным творчеством. Безусловно, наличествуют архаизмы, старославянизмы, библеизмы, профессионализмы.

Раскрытие образов и темы стихотворения содействует использование книжного стиля с налётом старины и древняя тема с главным действующим лицом – переписчиком. Если сравнивать строки русского автоперевода с соответствующими строками оригинала, то можно заметить определённые отступления от белорусского первоисточника: «На чыстым аркушы» [2, с. 88] – «На кожаном листе» [2, с. 360]; «Прыгожа літары» [2, с. 88] – «Строй

ровных, чётких букв» [2, с. 360]; отсутствует белорусское соответствие слову «изредка» [2, с. 360]; «...заморскими зверями, / Людьми, птицами, венками из цветов» [2, с. 360] – «...усякімі цвятамі, / Рознакалённымі галоўкамі звяроў / І птах нявіданых» [2, с. 88]; «шматфарбныя» [2, с. 88] – «пригожие» [2, с. 360]; «...светла сонца / Стаўпамі падае праз вузкае аконца, / І круціцца ў іх прыгожы, лёгкі пыл» [2, с. 88] – «Кротко сонце / Столбом прозрачным шлёт свой свет через оконце, / И золотая пыль струится меж лучей» [2, с. 360]; «Як сіняваты дым нявідзімых кадзіл, / Рой хмарачак плыве» [2, с. 88] – «Вдали над белыми громадами церковей / Блистают купола» [2, с. 360] и т. д.

Автор изящно вплетает чарующее богатство народной лексики, поэтический синтаксис, специфическую ритмическую организацию, музыкальность и напевность и другие средства в авторский текст, делая его законченным, выразительным и художественно совершенным. Таким образом, создаётся показательный пример поэтических уточнений и создания новых мотивов и образов, наглядный образец расширения творческих возможностей.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Рагойша, В. Проблемы перевода с близкородственных языков / В. Рагойша. – Минск : БГУ, 1980. – 184 с.
2. Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – 2-е выд. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – Т. 1. Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – 752 с.
3. Библия. Синодальный перевод [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bible.by/parallel/syn/lopuhin-bible/19/41/> – Дата доступа: 14.09.2019.

#### РЕЗЮМЕ

В статье исследуются особенности поэтики авторского перевода белорусского поэтического текста на русский язык с точки зрения синтеза фольклорных и литературных установок, а также влияния явлений билингвальной интерференции. Рассмотрены основные уровни поэтики, проанализированы индивидуально-авторские особенности перевода. Анализ сборника позволяет сделать вывод о гармоничном слиянии названных выше традиций, о преобладании у М. Богдановича автопереводов с небольшими отступлениями от текстов и точно воспроизводящих оригинал.

#### SUMMARY

The article explores the peculiarities of poetics of the author's translation of the Belarusian poetic text into Russian from the point of view of the synthesis of folklore and literary settings, as well as the influence of bilingual interference phenomena. The basic levels of poetics are considered, individual-author features of the translation are analyzed. An analysis of the collection allows us to conclude that there is a harmonious fusion of the above traditions, that M. Bogdanovich predominates in automatic translations with small deviations from the texts and accurately reproducing the original.